

УДК 82-94 (История как литературный жанр. Исторические произведения Хроники. Анналы. Мемуары. Дневники. Воспоминания. Жизнеописания. Биографии)

ИНТИМНОЕ В ДНЕВНИКЕ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

© 2021 О.М. Буранок¹, А.В. Игнашов²

*Буранок Олег Михайлович, доктор педагогических наук, доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой*

русской, зарубежной литературы и методики преподавания литературы

E-mail: olegburanok@yandex.ru

*Игнашов Александр Викторович, кандидат филологических наук, член Союза писателей и
Союза театральных деятелей России, заместитель главного редактора ООО «ДЛД»,
руководитель компании «Творческий союз»*

E-mail: drama-ignashov@yandex.ru

¹Самарский государственный социально-педагогический университет

²ООО «ДЛД»

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 01.12.2021

Творчество Н.Г. Чернышевского отличается многожанровым характером. В статье дан обзор основных литературоведческих наблюдений, связанных с проявлением категории «интимное» в дневнике Н.Г. Чернышевского за 1848-1853 годы. Анализируя дневник как инструмент фиксирования на бумаге реальной действительности, переживаний и размышлений, авторы подробно останавливаются на отражении в нем особенностей раскрытия внутреннего мира ищущего себя молодого человека. Авторы приходят к выводу о том, что рационально-аналитический метод записей в дневнике Н.Г. Чернышевского превалирует даже там, где, казалось бы, должен уступать сердцу, чувству, порыву. Интимная сфера в дневнике Чернышевского связана с логикой и рассудком. На последних страницах дневника Чернышевский пишет о том, что описания событий теперь «будут уже рядом с чувствами, размышлениями, впечатлениями». Впрочем, замысел этот осуществлен не был, вскоре дневниковые записи обрываются навсегда. Дневник со всей очевидностью доказывает, что интимное в этико-эстетических взглядах Н.Г. Чернышевского было основополагающей частью его мировоззрения, подтвержденного всей дальнейшей жизнью. Теория разумного эгоизма помогала Николаю Гавриловичу выходить из самых запутанных ситуаций личной жизни. Осознание молодым Н.Г. Чернышевским любовных переживаний, отношений с женщинами определило на всю оставшуюся жизнь его alter ego как мужчины.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, дневник, жанр, интимное, переживание, чувство, образ автора

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-81-98-103

Введение. Для филологов-литературоведов имя Н.Г. Чернышевского связано прежде всего с его знаменитым романом «Что делать?», с его в свое время весьма популярными в прогрессивной читательской среде критическими статьями и рецензиями на литературные произведения середины XIX в. Начало XXI в. ознаменовано возрождением интереса не только к литературному наследию Н.Г. Чернышевского, но и к его личности, в том числе к его дневниковым записям.

Специальных научных исследований, связанных с дневником Н.Г. Чернышевского, опубликованным в его полном собрании сочинений, не

так много. Находясь не в центре внимания «чернышевсковедов», дневник, тем не менее, заслуживает более глубокого изучения, особенно это касается записей личного, сокровенного, интимного характера.

В последние годы растет интерес к человеческим качествам Н.Г. Чернышевского, в том числе и к опубликованным проявлениям его личных пристрастий и откровений, что обусловлено заметным повышением в обществе интереса к подробностям и особенностям личной жизни публичных личностей как настоящего, так и прошлого. В современной литературе, в театре и кинематографе, в телевизионных сериалах все

больше и больше так называемых «байопиков» (неологизм, от англ. – biopic, biographical picture – биографический сюжет с возможным отходом от исторических фактов и откровенно вымышленными сюжетными линиями), существующих в форматах самых разных жанров – от драмы до комедии и экшена. В этой связи в центре внимания оказываются «жареные факты», часто не имеющие никакого отношения к реальной жизни главного героя байопика. Личная жизнь Н.Г. Чернышевского, его социально-политические взгляды, отраженные в том числе и в дневнике, насыщены не только массой событий, но и непредсказуемыми сюжетными поворотами, интерпретировать которые, при определенном желании, можно с самых разных сторон.

История вопроса. Многие годы на кафедре русской и зарубежной литературы Куйбышевского государственного педагогического института имени В.В. Куйбышева (ныне – СГСПУ) велись спецкурсы и спецсеминары о жизни и творчестве Н.Г. Чернышевского. В 50-60 гг. XX в. особый вклад в это внесла кандидат филологических наук, доцент Мария Ивановна Рунт.

Спустя годы вновь обратиться к эпистолярному наследию Н.Г. Чернышевского и в частности к его дневнику нас заставил интерес к теме сокровенного, интимного, того, о чем в советское время было не принято упоминать по отношению к человеку, которого В.И. Ленин называл «демократом», «гениальным провидцем», «великим русским писателем» [3, с. 5].

Напомним, что «интимное» (от лат. *intimus*), как понятие, «Словарь русского языка» определяет следующим образом: «1. – Касающееся отдельного лица, его личной жизни, отношений с близкими людьми. 2. – Находящееся в тесной, дружественной связи, отношениях, близкий» [6, с. 673].

В публичном пространстве о так называемом «этом» (интимном) зачастую высказываются грубо, хотя сравнительно недавно появились исследования, в которых вразумительно и весьма интересно в этом контексте говорится о дневнике Н.Г. Чернышевского, который он с большой откровенностью и с весьма подробным изложением событий вел в 1848-1853 годах, будучи студентом, а затем учителем Саратовской гимназии. По мнению Ирины Паперно, дневник Чернышевского – интересный пример экспериментального развития реализма в быту [5].

Отмечая, что дневник Н.Г. Чернышевского стоит в одном ряду с ранними дневниками В.А. Жуковского, Н.А. Добролюбова, Л.Н. Толстого, у

которых период формирования личности проходил в условиях рефлексивно-аналитической активности, Олег Георгиевич Егоров считает, что первое литературное произведение Н.Г. Чернышевского «менее всего принадлежит литературе, а скорее является элементом душевной жизни, журналом психологических самонаблюдений... С точки зрения жанровой классификации, истории и теории дневниковой прозы дневник Чернышевского является классическим образцом процесса индивидуации, не отражением, а составной частью этого явления» [1, с. 143].

Практически все исследователи дневника сходятся в том, что, пытаясь систематизировать размышления по фундаментальным мировоззренческим проблемам, по богословию и христианству, по политике, науке, литературе, надеждам и явлениям, Н.Г. Чернышевский приравнял себя, человека, живущего реальной жизнью, к человеку вербализирующему. Процесс отражения его жизненного опыта непосредственно связан с процессом переживания прожитого. Описание прогулок, визитов, встреч, бесед, ученых занятий, анализ прочитанных книг и журналов, запись собственных социально-политических и житейских размышлений соседствуют на страницах дневника и с упоминанием того, что сам Н.Г. Чернышевский называет «подлым делом», касающимся его наблюдениям за женщинами и порывам к плотским утехам.

В первой части дневника зафиксировано немало юношеских переживаний, связанных с сексуальной, интимной стороной его жизни. Стремясь проанализировать и преодолеть свои отрицательные свойства, локализовать сильнейшие импульсы, упорядочить хаотические движения души и тела, он, как человек верующий, фиксируя тот или иной плотский порыв, коротко обозначает его троеточием, обрывая каждое высказывание многоточием. Прочитируем лишь некоторые из этих записей: «19 августа. – Почти весь день прошел в чтении, во всяком случае, большая часть. Утром читал «Мертвые души»... 21 августа, 2 часа дня. – Ночью снова чорт дернул подходить к Марье и Анне, и ощупывать их, и на голые части ног класть свой... Когда подходил, сильно билось сердце, но когда приложил, ничего не стало. Дурно напившись чаю, пошел в университет... 2 сентября. – Ночью ходил за обычной гадостью, но ничего не успел... 4 сентября, 5 час. – Да, вчера ночью ходил снова, где Марья, наша прислуга, и клал свой... подле... 11 сентября, 11 часов вечера. – Если когда, то ныне я ни-

чего не делал в университете, ничего хорошего, только много хохотал и смеялся... 15 сентября. – Читал вчера и третьего дня «Современник», сентябрьскую книжку. «Том Джонс» хорош...» [4, с. 90, 91, 105, 106, 114, 119].

Неоднократно на страницах дневника Н.Г. Чернышевский размышляет о христианстве и о себе как о человеке с Богом в душе и сердце: «Я, в сущности, решительно христианин, если под этим должно понимать верование и божественное достоинство Иисуса Христа, то есть, как это веруют православные в то, что он был Бог и пострадал, и воскрес, и творил чудеса, вообще, во все это я верю. Но с этим соединяется, что понятие христианства должно со временем усовершенствоваться, и поэтому я нисколько не отвергаю неологов и рационалистов, и прочих... Мне кажется, что главная мысль христианства есть любовь, и что эта идея вечная, и что теперь еще далеко не вполне поняли и развили, и приложили ее в теории даже к частным наукам и вопросам, а не то, что в практике, – в практике, конечно, усовершенствование в этом, как и во всех отношениях, бесконечно... Иногда даже замечаю за собою поступки, которые объясняются только верованием, и сверхъестественную помощь божества...» [4, с. 132, 133].

Восемнадцать раз в дневнике, а затем и в «Дневнике моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье» в том или ином контексте Н.Г. Чернышевский не просто упоминает одного из своих литературных кумиров – М.Ю. Лермонтова, но размышляет о себе и о современном ему обществе: «Мое сердце находится в волнении, подобном тому, как если бы, например, я должен был увидаться с Лермонтовым... Может быть, кроме славянского и истории, я буду колебаться между философией и русской словесностью... Лермонтов и Гоголь доказывают, что пришло России время действовать на умственном поприще, как действовали раньше ее Франция, Германия, Англия, Италия. Я думаю, что нахожу в себе некоторые новые начала, которые не нахожу ясно... Всегда приходят мне в голову слова Веры у Лермонтова: «Вы, мужчины, материалисты, и не понимаете блаженства взгляда, пожатия руки!»... Литература. Теперь ничего нет в голове; поклоняюсь Лермонтову... Гейне я почти не читал, но теперь, может быть, он мне понравился бы, не знаю, однако. Из мертвых я не умею назвать никого, кроме Гете,

Шиллера, (Байрона тоже, вероятно, но не читал его), Лермонтова. Эти люди мои поэтические друзья, то есть, я им преданный друг...» [4, с. 111-112, 126, 127, 187, 297, 358].

Нельзя согласиться с суждением Андрея Александровича Иванова в том, что написание дневника было для Н.Г. Чернышевского желанием будущего величия, что он писал его «в надежде, что эти записи будут интересны будущим поколениям как свидетельство жизни его выдающейся личности» [2, с. 5]. Да, студент Чернышевский со свойственным юношескому возрасту максимализмом высоко оценивал собственный личностный потенциал: «Я довольно твердо считаю себя человеком не совершенно дюжинным, а в душе которого есть семена, которые если разовьются, то могут двинуть несколько вперед человечество в деле воззрения на жизнь» [4, с. 127-128]. И все же манией величия Чернышевский не страдал ни в юности, ни в более зрелом возрасте.

Будучи студентом, он фиксировал в дневнике реальную действительность, структурировал самосознание, причем, как в общественном, так и в сугубо личном, интимном значении. Достаточно привести лишь несколько цитат, подтверждающих это: «Итак, я думаю, что постепенно все исцеляюсь от своей способности смущаться и конфузиться... У меня недостаток проницательности: я узнаю человека в год, между тем как другой узнает в одну минуту... Есть вещи, которые бывают с другими в пятнадцать-шестнадцать лет, а со мною только теперь хотят быть...» [4, с. 137, 145, 259].

Примыкающие к основному дневнику записки под названием «Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье», на наш взгляд, не являются самостоятельным дневником. Отдельно выделенные описания взаимоотношений с невестой во многом схожи с присутствующими в дневнике Н.Г. Чернышевского глубоко личными размышлениями на эту тему, что вполне объяснимо: любовь и возможность семейной жизни были для него в то время и желанны, и неопределенны. «Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье» и в жанрово-стилистическом отношении, и структурно практически не отличается от основного дневника и ведется в рамках реального хронотопа. Закончилось мерзкое, постыдное, ужасное, с его точки зрения, состояние – «чистая физиология», и началась любовь, которую он так

ждал. Уже на первых страницах «Дневника моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье» Н.Г. Чернышевский довольно рационально описывает знакомство с Ольгой Сократовной, первый танец и первый разговор с ней: «С подобною женою я был бы счастлив. Ее характер таков, какой нужен для того, чтобы мой характер не сделался окончательно серьезно-угрюмым. Я чувствовал, что мне нужно жену с твердым характером, которая могла бы управлять мною... «Ольга Сократовна, я имею сказать вам несколько слов серьезно». – «Говорите». – «Здесь нельзя. Пойдемте со мной», – и я беру ее под руку, и мы выходим в другую комнату. Не помню, как я начал разговор...» [4, с. 414, 416].

В первой половине дневника Н.Г. Чернышевского его самохарактеристика часто соотносится с событиями и высказываниями, связанными с Василием Петровичем Лободовским, бывшим для него в то время и старшим товарищем, и примером лучших человеческих качеств. Н.Г. Чернышевский не раз отмечает в дневнике ум, рассудительность, высокие моральные качества Лободовского: «Это странный человек, какого еще нельзя найти, человек великий, благороднейший, истинно человек в полном смысле слова... Боже, какая сила чувства, какая сильная, нежная, великая душа!..» [4, с. 42, 52].

Соотнося собственные поступки и высказывания с тем, что свойственно Лободовскому, Н.Г. Чернышевский приходит в дневнике к выводу: «Значит, я не так, в сущности, холоден ко всем, кроме себя, и не такой эгоист, как раньше думал» [4, с. 34]. Личность супруги Лободовского Надежды Егоровны он воспринимает в свете лучших качеств ее супруга. Не обладавшая особым талантом женщина оценивается Н.Г. Чернышевским в мае 1848 года весьма эмоционально: «Мила Надежда Егоровна, мил и Василий Петрович, которые доказывают и служат примером моему взгляду на молодых людей... Я постоянно думаю о нем с Надеждой Егоровной: этого со мною никогда не бывало, чтоб я думал о других так, как о себе... Теперь мои мысли о ней так чисты, что я даже не предполагал в себе способности так свято и чисто думать о женском существе, привлекательном по внешности... До сих пор мне только две женщины попались, не внушающие неприятного чувства, это Александра Григорьевна, дочь Клиентова, и Надежда Егоровна... В каждом человеке, например, в ней, гораздо более хорошего и честного, чем сам человек думает, и чем другой видит в нем!» [4, с.

34, 35, 37, 43, 50, 126].

Методы исследования. Основными методами данного исследования стали: историко-функциональный, метод критического анализа, текстологический метод.

Результаты исследования. Поиски внутренних потенций для самосовершенствования отличают образ автора в дневнике Чернышевского почти от всех аналогичных образов в дневниках периода индивидуации. Самокритика в его записях не переходит в самоедство. Автор дневника, как и будущие положительные герои его романов, культивирует в себе позитивные черты: «Воспитывался в пленках, так что я не жил, как другие, не испытал, не знаю жизнь и людей, и, кроме этого, через это самое развитие приняло, может быть, ложный ход... Всегда я склонен – может быть, потому что дурен сам – судить о других не по тому, каков я сам, а по тому, каковым мне хотелось бы быть, или каковым быть было бы легко, если бы не мерзкая слабость воли...» [4, с. 38].

Выводы. Рационально-аналитический метод записей в дневнике Н.Г. Чернышевского превалирует даже там, где, казалось бы, должен уступать сердцу, чувству, порыву. Интимная сфера в дневнике Чернышевского связана с логикой и рассудком: «Вот что еще: из этого серьезно, может быть, выйдет, что я стану сближаться с существами другого пола, которые будут и всегда чисты, и привлекательны по душе; может быть, из этого выйдет перемена моего характера» [4, с. 37]. И эта перемена происходит. На последних страницах дневника Н.Г. Чернышевский пишет о том, что описания событий теперь «будут уже рядом с чувствами, размышлениями, впечатлениями» [4, с. 504]. Впрочем, замысел этот осуществлен не был, вскоре дневниковые записи обрываются навсегда.

Дневник со всей очевидностью доказывает, что интимное в этико-эстетических взглядах Н.Г. Чернышевского было основополагающей частью его мировоззрения, подтвержденного всей дальнейшей жизнью. Теория разумного эгоизма помогала Николаю Гавриловичу выходить из самых запутанных ситуаций личной жизни. Так, например, когда Ольга Сократовна влюбилась и честно призналась в этом мужу, Николай Гаврилович ответил ей, что она еще более свободна, нежели до свадьбы. Зафиксированные Н.Г. Чернышевским в дневнике мировоззренческие, этические, морально-нравственные размышления не теряют актуальности и в наши дни.

1. Егоров, О. Г. Дневники русских писателей 19 века: Исследование. – М., Флинта: Наука, 2002. – С. 143.
2. Иванов, Анд. А. Дневник Н.Г. Чернышевского: реальность письма и реальность субъекта // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре технического университета. - 2015. - №1-2. – С. 5.
3. Мещеряков, Н. Ленин о Чернышевском // Н.Г. Чернышевский. ПСС в 15 т.т. Т. 1. – М., Гос. изд-во «Художественная литература», 1939. – С. 5.
4. Н.Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в 15 т.т. Т. 1. – М., Гос. изд-во «Художественная литература», 1939. – С. 34, 35, 37, 38, 42, 43, 50, 52, 90, 91, 105, 106, 111-112, 114, 119, 126, 127, 128, 132, 133, 137, 145, 187, 259, 297, 358, 414, 416, 504.
5. Паперно, И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / И. Паперно – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 208 с.
6. Словарь русского языка в 4 т.т. Т. 1. – М., Изд-во «Русский язык», 1981. – С. 673.

INTIMACY IN THE DIARY OF N.G. CHERNYSHEVSKY

© 2021 O.M. Buranok¹, A.V. Ignashov²

Oleg M. Buranok, Doctor of Pedagogics, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature and Methods of Teaching Literature

E-mail: olegburanok@yandex.ru

Alexander V. Ignashov, Candidate of Philology, Member of the Union of Writers and the Union of Theater Workers of Russia, Deputy Editor-in-Chief of DLD LLC,

Head of the Tvorchesky Soyuz company

E-mail: drama-ignashov@yandex.ru

¹Samara State University of Social Sciences and Education

²Limited Liability Company "DLD"

Samara, Russia

The creativity of N.G. Chernyshevsky in his books is presented by his multi-genre character. The article provides an overview of the main literary observations related to the manifestation of the category marked as «intimate» in the diary of Chernyshevsky in 1848-1853. Analyzing the diary as a tool for recording reality and experiences on paper, the authors dwell in detail on the reflection in it of the features revealing the inner world of a young man who is looking for his true self. It was concluded that the awareness of young Chernyshevsky's love experiences, relationships with women determined for the rest of his life his alter ego as a man. The authors come to the conclusion that the rational-analytical method of entries in the diary of N.G. Chernyshevsky prevails even where, it would seem, he should yield to the heart, feeling, impulse. The intimate sphere in Chernyshevsky's diary is connected with logic and reason. On the last pages of the diary, Chernyshevsky writes that the descriptions of events now "will already be next to feelings, reflections, impressions." However, this plan was not carried out, soon the diary entries are cut off forever. The diary clearly proves that the intimacy in the ethical and aesthetic views of N.G. Chernyshevsky was a fundamental part of his worldview, confirmed by all his later life. The theory of rational egoism helped Nikolai Gavrilovich get out of the most confusing situations in his personal life. Awareness of young N.G. Chernyshevsky love experiences, relationships with women determined for the rest of his life his alter ego as a man.

Key words: N.G. Chernyshevsky, diary, genre, intimacy, experience, feeling, portrait of the author

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-81-98-103

1. Yegorov, O. G. Dnevniky russkikh pisateley 19 veka: Issledovaniye (Diaries of Russian writers of the 19th century: Research). – М., Flinta: Nauka, 2002. – S. 143.
2. Ivanov, And. A. Dnevnik N.G. Chernyshevskogo: real'nost' pis'ma i real'nost' sub'yekta (Diary N.G. Chernyshevsky: the reality of writing and the reality of the subject) // Uchenyye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure tekhnicheskogo universiteta. - 2015. - №1-2. – S. 5.
3. Meshcheryakov, N. Lenin o Chernyshevskom (Lenin about Chernyshevsky) // N.G. Chernyshevskiy. PSS v 15 t.t. Т. 1. – М., Gos. izd-vo «Khudozhestvennaya literatura», 1939. – S. 5.
4. N.G. Chernyshevskiy. Polnoye sobraniye sochineniy v 15 t.t. Т. 1. (Complete Works in 15 vols. Т. 1) – М., Gos. izd-vo «Khudozhestvennaya literatura», 1939. – S. 34, 35, 37, 38, 42, 43, 50, 52, 90, 91, 105, 106, 111-112, 114, 119, 126, 127, 128, 132, 133, 137, 145, 187, 259, 297, 358, 414, 416, 504.

5. Paperno, I. Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma (Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky - a man of the era of realism) / I. Paperno – M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 1996. – 208 s.
6. Slovar' russkogo yazyka v 4 t.t. T. 1 (Dictionary of the Russian language in 4 vols. T. 1). – M., Izd-vo «Russkiy yazyk», 1981. – S. 673.